

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Се Чжоу
С. А. Сосновцева

УДК 130.2
<https://orcid.org/0000-0001-8753-7182>
<https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

Два топоса в житнетворческой судьбе Игоря Северянина

Для цитирования: Се Чжоу, Сосновцева С. А. Два топоса в житнетворческой судьбе Игоря Северянина // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 77-86. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-77-86

Игорь Северянин был гением места, времени и действия, он прекрасно уловил декадентские тлетворно-притягательные эманации, поймал пульс эпохи и стал очень скоро не только жить в его ритме, но и задавать его темп. Все это было в России и все внезапно изменилось в кульминационном для поэта 1918 году. Северянин оказался в Эстонии, вне родины, вне своего читателя, вне своего зрителя, без друзей и без обожавших его поклонниц. Северянин до эмиграции – «герцог Арлекинский», гривуазный менестрель, меняющий маски, Северянин эстонского периода творчества предстает в двух ипостасях: учителя, мудреца и дачника-рыбаря. Эти две ипостаси поэта не противоречили друг другу, так как именно поэт-пророк стоит на страже естественного, искреннего и простого «как день весны» дачника-рыбаря.

Ключевые слова: поэзия Игоря Северянина, футуризм, футуристы, словотворчество, поэтический театр Серебряного века, король поэзии, эстонский период творчества, темы и мотивы поэзии Северянина, ирония и травести Северянина, поэтическая маска, две ипостаси поэта.

CULTURAL SCIENCE

Xie Zhou, S. A. Sosnovtseva

Two toposes in Igor Severjanin's life-destiny

Igor Severjanin was the genius of place, time and action, he gracefully caught decadent corruptingly attractive emanations, the core of the epoch and started not only to follow its rhythm but set the pace. That all was in Russia and greatly changed for the poet in 1918. Severjanin turned out to be in Estonia, far from his Motherland, from his reader, viewer, friends and fans. Severjanin before the emigration – "duke Harlequin", frivolous minstrel, changing masks, the Severjanin of Estonian creative period has two sides: a teacher, a wise man, and a

© Се Чжоу, Сосновцева С. А., 2020

vacationer-fisherman. These two sides did not conflict as it was the poet-prophet who treated natural, sincere and obvious as "a spring day" of a vacationer-fisherman.

Keywords: Igor Severjanin's poetry, futurism, futurists, word-making, poetic theatre of the Silver Age, the king of the poetry, Estonian period of creative work, themes and motives of Severjanin's poetry, Severjanin's ironies and travesty, poetic mask, two sides if the poet.

Ананасы в шампанском, creme de violettes, мороженое из сирени, пухлые кайзерки, ароматный чай – эти гастрономические образы стали составной частью поэтической визитной карточки Игоря Северянина – певца с рек Суды, Невы и озер Эстонии.

Куртуазный, жеманный, салонный Игорь Северянин упивался своей виртуозной игрой столичного денди. Он был обласкан восторженными отзывами Федора Сологуба, Валерия Брюсова, восхищенными взглядами «поэзолюбок», был тайной литературной любовью Владимира Маяковского и поэтическим интересом Александра Блока. Северянин великолепно разыгрывал в своей поэзии десятых годов театр Серебряного века [Кошелев, 2007]. Герцогом Арлекинским назвал Северянина Корней Чуковский, тонко уловив в поэзии «менестреля» игровые мотивы комедии del' arte. Герцог Арлекинский с детства был воспитан на книгах, музыке и театре, его большой любовью была опера. Его предком был сам Карамзин: «Я верю, доблестный мой дед, Что я в поэзии историк, как ты в истории поэт». Поэтическая книга «Ананасы в шампан-

ском» утвердила за Игорем Васильевичем Лотарёвым имя Северянин.

Писать Лотарёв стал рано и был уверен в своем поэтическом успехе. Однако стихотворений 1905–1910 гг. Лотарёв стеснялся. Они наивны, неумелы, стилизованы под фольклорные песни и женскую сентиментальную лирику Мирры Лохвицкой. Но уже в них Игорь Лотарёв старается быть верным своему главному поэтическому принципу – быть предельно искренним. И даже герцог Арлекинский Северянин – маститый эгофутурист, грёзёр, отдавая дань этому принципу, пишет «интуитивными красками», а в поэтическом манифесте провозглашает: «душа – единственная истина». Он действительно искренне верил в свою поэтическую избранность, в свою народную коронованность и, безусловно, по-настоящему тяжело, трагически переживал не только в поэзии роль «царственного паяца»: «за струнной изгородью лиры рыдает царственный паяц». Его эпатирующие строчки «Я, гений Игорь-Северянин, // Своей победой упоен: // Я повсеградно оэкранен // Я повсесердно утвержден!», безусловно, искренни, полны молодого нахального задора и веры в себя. В десятые годы Северянин был гением

места, времени и действия, он прекрасно уловил декадентские тлетворно-притягательные эманации, поймал пульс эпохи и стал очень скоро не только жить в его ритме, но и задавать его темп. Все это было в России и все внезапно изменилось в кульминационном для поэта 1918 году (на вечере в Политехническом музее он был избран королем поэзии), Северянин оказался в Эстонии, вне родины, вне своего читателя, вне своего зрителя, без друзей и без обожавших его поклонниц.

Устроившись в дачном поселке Эст Тойла, Северянин пытается быть прежним герцогом Арлекинским. Однако атмосфера не та, нет столичной суеты, бомонда, не перед кем играть роль короля, да и не за чем, в информационном вакууме невозможно разыгрывать поэтический театр Серебряного века. Поэт вдруг осознает, что остался один, и что жизнь вернулась на круги своя. Он снова, как в детстве, окружен природой и простыми дачниками.

Через творчество Игоря Северянина протекают две реки и множество озер. Северянин родился в городе на Неве, на Гороховой улице, но детство свое провел в Череповецком уезде на речке Суде, впадающей в Шексну. Голубая река, лиловый бревенчатый дом, море майской сирени – детский поэтический мир Игоря Лотарёва, из которого он вынес любовь ко всему сиреневому, лиловому, голубому. Позднее, в десятые годы, эти поэтические цвето-

и звукообразы станут вычурными: мороженое из сирени, грез фиалковый фиал, боа кризантем бледно-бледно фиалково, шампанского в лилию. Именно дачная провинциальная, тихая, размеренная жизнь на речке Суде среди сирени и жасмина послужит прототипом страны Миррэлии в поэзии Северянина десятых годов.

Стихотворения Северянина о Миррэлии сквозным мотивом проходят через все его творчество десятых годов, и также объединены в одноименный цикл.

Между тем, в среде футуристов почти не встречались поэты, воспевающие ширь и бескрайность лесов, полей, деревенский быт с детской наивностью и чистотой. Пожалуй, кроме Игоря Северянина, можно назвать еще Василия Каменского, для которого природа родных прикамских лесов, или крымских берегов была не просто темой, а особенной жизненной средой, где ценностные величины – человеческая целостность, где звучит гимн и песнь личности, индивидуальности, естественности, раскованности чувств. Где по-детски, наивно и восхищенно раскрывается упоенное открытие Прекрасной Вселенной. Стихотворения Северянина, посвященные утопической Миррэлии, не отягощены вычурными неологизмами и прочими нововведениями в области стиха.

Утопия Миррэлии, созданная Северяниным, в отличие от его «эпатажных» стихов не была данью

моде. Здесь исчезал Северянин-эгофутурист. Мотив поэтизации природы Северяниным в его эгофутуристический период перекликается с поздними стихотворениями поэта простотой стиля, изящностью, красотой, а не «красивостью».

Стихотворения о Миррэлии наполнены восторгом, радостью, лучезарностью: «...Качает там лебеда слива, // Как символ восторгов любви... // Миррэлия! Как ты счастлива // В небывшем своем бытии!» («Увертюра»).

Такие поэты Северянина просты, в них минимум неологизмов, барочных образов, их стиль – классичен, а формы – традиционно восходят к романтической традиции баллады (позднесредневековой) или к сонетам. Среди множества баллад, написанных Северяниным, несколько лирических повествований о стране Миррэлии. Интересна «Баллада IX». В ней поэт не просто восхищается пейзажами утопического мира, а размышляет о причине своей любви к этому миру, страстному влечению к нему. В этом стихотворении светлая тоска, томление по выдуманной стране и множество риторических вопросов, вернее, повторов одного и того же вопроса: «Не оттого ль что ты вдали?».

В вынужденной эмиграции Северянин возвращается к себе – к Лотарёву, он уже не прячет свою наивность и ребячество за драматическими масками, он открыт и

естественен, и от стихотворения к стихотворению его лирический герой мудреет.

В эмиграции Северянин-поэт перерождается. Это отнюдь не означает, что с 1919 года изменяются сразу манера, стиль, поэтика. Эволюция поэтическая всегда требует эволюции мировоззренческой, аксиологической. Ю. Бабичева, Р. Куус отмечают, что в эмиграции лирика Северянина становится проще, легче, она не отягощена стилистическими изысками и очень хорошо вписывается в поэтическую традицию русской поэзии [Бабичева, 1991]. Все это так, но эмигрантская лирика поэта имеет свой генезис, и не сразу Северянин-«герцог Арлекинский» становится Северяниным-поэтом-рыбарем.

В Эстонии Игорь Северянин издает следующие сборники: в 1919 г. «Вервэну», в 1921 г. «Менестрель», в 1922 г. «Фея Eiole», в 1923 г. «Соловей», в 1931 г. «Классические розы» и в 1934 г. «Адриатику». Все это сборники стихотворений, а помимо них поэт в начале 40-х годов публикует еще и поэмы.

Первые четыре сборника можно назвать рубежными в творчестве Северянина. Поэт не только занят поиском себя, но и поиском своей поэзии. Темы и мотивы его поэзии остаются прежними: любовь, природа, женщина, обывательщина, Его-утверждение, судьба поэта и поэзии. Но изменяется стилистический градус его письма. Поэт про-

возглашает: «Чем проще стих, тем он мудрее...».

Поэт-эмигрант Северянин, действительно становится глубже, мудрее в своей стилистической простоте, так как живет он жизнью, которая «простотой своею глубока» («Хвала полям») [Северянин, 1991]. Его стихи – опозитивированная жизнь дачника-рыбаря, его поэзия становится «психобиографической» [Бабичева, 1991]. В «эстонских» стихах поэту важна не хвала своему «Я», а самопознание, открытие себя.

Предметом его иронии и пристального внимания становится его ранимое, чуткое, открытое миру природы и миру поэзии «Я». Началом этого трудного, глубокого самоопределения, самопознания поэта служит стихотворение «Самопровозглашение». Поэт горько осознает, что королевская порфира оставлена им в Москве, что переизбор не будет: «Не до того моей стране, – // Она в мучительном развале // И в агоническом огне» («Самопровозглашение») [Северянин, 1991].

Это стихотворение, и рубежное, и программное, так как Северянин не просто «отрекается от порфиры», а отрывается от маски Егегения, маски эпатирующей, игровой, игривой.

Мерилом всех и вся поэтических ценностей становится не прежняя толпа поклонников, вкусам которой поэт стремился пографить, которую эпатировал ее же системой ценно-

стей, а то истинное, вечное, самоценное, что живет «за струнной изгородью лиры».

Если раньше северянинские поэмы приводили в щенячий восторг юных барышень, видевших по своей глупости, наивности в «муаровых дамах», «Зизи», «грезэрках», «демимондэнках», – себя; если раньше они бредили такой же любовью, как в «Это было у моря», то уже в 30-х гг. их привлекала не лиричность, романтика, а феминизм, нигилизм, которыми они заразились на «высших курсах». Если в раннем творчестве поэт сочувствовал глупеньким принцессам и жалел Зизи, то в «эмигрантском» – он просто беззащитен перед агрессией, пустым высокомерием, пустынностью и ограниченностью дев «с улыбкой безлучностальной». И уже себя жалеет поэт, жалеет, что живет в такой эпохе, в которой «желудок святыню пограл, // Свои предъявляя права»: «Черствеют и девьи сердца, // Нет больше лиричности в них, – // Наряды, танцельки, жених... // Любовь – пережиток глупца» («Поэза нови прозаической») [Северянин, 1991].

Циничные, надменные, тупые барышни сменили воздушных, легких грезэрок, романтических даже в своей обывательщине. И потому так страшно поэту жить среди подонного «уродства», и потому исчезает ирония, шутовство.

Только безнадежный, пессимистичный Северянин мог травестировать образ дамы с собачкой –

своего любимого писателя Чехова. Чеховская героиня, хоть и не далека от ранних северянинских «муаровых дам», но все же в невинности своей, измене мужу целомудренна и способна на большое чувство. В «Поэзе о знаменитой даме» Северянин травестирует этот образ, дама с собачкой становится провинциальной сплетницей, грубой, развращенной мужем и картами. Круг ее тем для разговора: ярмарочная драка, «поэтесса, смеющаяся смело», измене мужа: «Кто это в спальне, раскрывши оракул, // Ищет, с кем муж изменяет: с полячкой // Или с жидовкой, // Чтоб грешную на кол? // – Знатная дама, дама с собачкой. // Ее день – это сплетни, карты и жвачка, // а также «белая ноша» – собачка».

Поэт не бесцельно травестирует чеховский образ. «Знатная дама» Северянина – это «измельченная, падшая, развращенная современница, это будущее чеховской «дамы с собачкой», ее портрет в старости.

Такова провинциальная дама – современница Северянина. Но ничуть не лучше, а даже хуже, развращеннее, пошлее «столичные девствующие дамы». Со злорадством пишет поэт о них: «Я вовсе не любитель охать // И ныть, но любо вспомнить зло // Их торжествующую похоть // И как их ею развезло. // Не любящих нравоученья // И презирающих мораль, // Я не могу без возмущенья // Их пакостную вспомнить саль» («В деревне») [Северянин, 1991].

Невозможно себе представить Северянина раннего с такой грубой лексикой. Северянин без эгофутуристической маски впадает в противоречие: с одной стороны, утонченный эстет, ценитель стиха, поэзии и всего поэтического, с другой стороны, – тойловский рыбак, позволяющий себе просторечия. Однако чарующе, искренно и глубоко звучит в поздней поэзии Северянина мотив женственности, а настоящая женщина, по убеждению поэта, это та, что «не позабыла Блока».

Вдали от Родины, среди чужих людей поэт становится раздражительным, нервным, у него уже нет сил на иронию, тем более, на самоиронию. Сарказм поэта грубый, тяжелый, нет былой утонченности. Поэт не использует эвфемизмов, часто раздражение достигает предела его возможностей, и тогда стих Северянина брызжет злобой, ненавистью.

Обывательщина бьет по глазам Северянина, режет ему слух. Поэту тяжело от праздного слоняющегося народа, от бездельников – полных ничтожеств: «Но нет непереносной боли- // Идти дорогой меж домов, // Где на скамейках в маттиоле // Немало «дочек» и «сынков»... // Скамейки ставят у калиток, // И дачники садятся в ряд; // Сидят и с мудростью улиток // О чем-то пошлом говорят» («Те, кого так много») [Северянин, 1991].

В этих строках открытое раздражение, нет иронии, сарказма. Тоска, тяготы бытовые, быт, заме-

няющий бытийность, становятся невыносимыми. Поэт же просто не в силах жить среди убожества, интеллектуального застоя.

Дачник Игорь Северянин, пересмотрев свое прошлое – легкомысленный фарс и игру, отрекается от «Арлекинии» и маскарада, превращается из Homo Ludens в Homo Simplicites, осознавая, что из эст-тойловской жизни его если и услышат, то только носителем правды, истины и обличителем.

Поэт – певец (с Северяниным это было в буквальном смысле слова), стремящийся к гармонии бытия, в 20-е годы находит ее не на эстраде, «А на лужайке у костра, // Не денег, а искусства ради».

Пересмотрев прошлое, в настоящем поэта влечет «.. лесок, где спят березки, // Петь соловьицы, как псалмы, // Петь, как умеем только мы: // Благоговейно, вдохновенно, // Переживая каждый слог. // О, жизнь, простая, как цветок, // Да будешь ты благословлена» («Забуду ль вас?») [Северянин, 1997].

Поэзия природного откровения Северянина, в противоположность утопической Мирэллии раннего творчества, имеет преимущество в подлинности рисуемых поэтом образов. Но уже в утопической Мирэллии проявляется стиль поздних северянинских поэт о природе. Стих их прост и ясен, легкий, глубокий и объемный. Он не скован неологизмами, не подчинен им, не страдает формализмом.

Северянин не жалеет красок, расписывая октябрь «бесснежный и туманный», голубизну и прозрачность бесчисленных эстонских озер, поля пшениц, сосновый бор и, конечно же, предмет своего увлечения – рыб, пойманных в озере. Поэт становится настоящим ихтиологом, он предоставляет читательскому вниманию целый список видов рыб от «розовых, блестящих форелей» до «Неприметного язя». Из рыбалки поэт делает чуть ли не культ, на страницах его сборников появляется философия рыбака-дачника: «удить на утренней заре» и до заката с «тростиночкой» – удочкой в руках. Если раньше поэт мечтал об идиллии, то теперь он живет в ней. Городу поэт противопоставляет природу, простые человеческие отношения, искренних, не лицемерных деревенских жителей и мещанский городской фокстрот «словесного недержания», утлую культурность: «У моря и озер, в лесах моих сосновых, // Мне жить и радостно, и бодро, и легко, // Не знать политики, не видеть танцев новых // И пить, взамен вина, парное молоко» («У моря и озер») [Северянин, 1991].

Поэту, который пишет о себе: «Доступность с простотой лежат в моих основах» претит псевдокультурность «фокстротной эпохи», ненавистен городской гнилой шум и гам, филистерская скука, и поэтому «Восемь лет он живет в красоте // На величественной высоте: «Нет здесь скуки, сводящей с ума:

// Ведь со мною природа сама. //
А сумевшие сблизиться с ней //
Глубже делаются и ясней» («На
земле в красоте») [Северянин,
1991].

В эстонской Тойле, вдали от Ро-
дины поэт обрел-таки себя, как бы
горьки и болезненны ни были его
страдания по России: «Я природой
живу и дышу, // Вдохновенно и
просто пишу. // Растворяясь душой
в простоте, // Я живу на Земле в
красоте!» («На земле в красоте»)
[Северянин, 1991].

Итак, все яснее перед нами вы-
рисовывается концепция поэта Се-
верянина 20–30-х годов. Если ран-

ний Северянин – «герцог Арлекин-
ский», гривуазный менестрель, ме-
няющий маски, то поздний Северя-
нин предстает в двух ипостасях:
учителя, мудреца и дачника-
рыбаря. Эти две ипостаси поэта не
противоречили друг другу, так как
именно поэт-пророк стоит на стра-
же естественного, искреннего и
простого «как день весны» дачни-
ка-рыбаря.

На новом витке своей замысло-
ватой жизни Северянин вновь стал
дачиком, но благосклонная Мне-
мозина оставила его потомкам как
«гения Игоря Северянина».

Библиографический список

1. Бабичева Ю. В. Аще не умрет // И. Северянин. Классические розы. Москва, 1991. С. 7.
2. Игорь Северянин глазами современников / Сост. В. Терехина, Н. Шубникова-Гусева. Санкт-Петербург : Росток, 2009. 576 с. (Неизвестный XX век).
3. Игорь Северянин. Царственный паяц : автобиограф. материалы, письма, критика : [сборник / сост., вступ. ст., коммент.: В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева]. Санкт-Петербург : Росток, 2005.
4. Исупов К. Г. Историко-бытовые архетипы в творческом поведении Северянина // О Игоре Северяnine. Череповец, 1987. С. 14–18.
5. Кошелев В. А. «Король поэтов Игорь-Северянин» // Литература. 2007. №10 (682).
6. Кузнецова Е. Поэтика пародийности в доэмигрантском творчестве Игоря Северянина // Russian literature. Amsterdam. 2018. N. 95. P. 33-62.
7. Никульцева В. В Словарь неологизмов Игоря-Северянина. Москва : Азбуковник, 2008. 379 с.
8. Сарычев В. А. Эстетика русского модернизма. Воронеж, 1991.
9. Северянин И. Классические розы. Москва, 1991.
10. Северянин И. Стихотворения. Москва, 1997
11. Терехина В. Н. Архивный базис научной биографии И. Северянина // Текстологический временник. Москва, 2012. Вып. 2.
12. Терехина В. Н. Русский футуризм: становление и своеобразие // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. Москва, 2010. Т. 2. С. 139–207.

13. Терёхина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. Москва : ИМЛИ РАН, 2009. 320 с.
14. Шумаков Ю. Пристать бы мне к родному берегу... Игорь-Северянин и его окружение в Эстонии. Союз славянских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллин, 1992.
15. Эткин Е. Там, внутри. О русской поэзии XX века. Санкт-Петербург, 1995.
16. Marjorie Perloff The Futurist Moment: Avant-garde, Avant Guerre, and the Language of Rupture. The University of Chicago Press. 2003.
17. Markov V. F. Russian Futurism: A History (Russian History and Culture) Paperback. March 1. 2006.
18. Readings in Russian modernism. Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. Москва : Наука, 1993.

Reference List

1. Babicheva Ju. V. Ashhe ne umret = If will not die // I. Severjanin. Klassicheskie rozy. Moskva, 1991. S. 7.
2. Igor' Severjanin glazami sovremennikov = Contemporaries about Igor Severjanin / Sost. V. Terehina, N. Shubnikova-Guseva. Sankt-Peterburg : Rostok, 2009. 576 s. (Neizvestnyj XX vek).
3. Igor' Severjanin. Carstvennyj pajac = Igor Severjanin. Regal clown: avtobiogr. materialy, pis'ma, kritika : [sbornik / sost., vstup. st., komment.: V. N. Terehina, N. I. Shubnikova-Guseva]. Sankt-Peterburg : Rostok, 2005.
4. Isupov K. G. Istoriko-bytovye arhetipy v tvorcheskom povedenii Severjanina = Historically household archetypes in the creative behaviour of Severjanin // O Igore Severjanine. Cherepovec, 1987. S. 14–18.
5. Koshelev V. A. «Korol' pojetov Igor'-Severjanin» = The king of the poets Igor-Severjanin // Literatura. 2007. №10 (682).
6. Kuznecova E. Pojetika parodijnosti v dojemigrantskom tvorchestve Igorja Severjanina = Poetics of parody in preemigrant creative work of Igor Severjanin // Russian literature. Amsterdam. 2018. N. 95. P. 33-62.
7. Nikul'ceva V. V Slovar' neologizmov Igorja-Severjanina = Dictionary of neologisms of Igor-Severyanin. Moskva : Azbukovnik, 2008. 379 s.
8. Sarychev V. A. Jestetika russkogo modernizma = Aesthetics of Russian modernism. Voronezh, 1991.
9. Severjanin I. Klassicheskie rozy = Classical roses. Moskva, 1991.
10. Severjanin I. Stihotvorenija = Poems. Moskva, 1997.
11. Terjohina V. N. Arhivnyj bazis nauchnoj biografii I. Severjanina = Archival basis of scientific biography of I. Severjanin // Tekstologicheskij vremennik. Moskva 2012. Vyp. 2.
12. Terjohina V. N. Russkij futurizm: stanovlenie i svoeobrazie = Russian futurism: formation and originality // Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teorija. Istorija. Pojetika: V 2 kn. Moskva, 2010. T. 2. S. 139–207.

13. Terjohina V. N. Jekspressionizm v russkoj literature pervoj treti XX veka: Genesis. Istoriko-kul'turnyj kontekst. Pojetika = Expressionism in Russian literature in the first third of the 20th century: Genesis. Historical and cultural context. Poetics. Moskva : IMLI RAN, 2009. 320 s.
14. Shumakov Ju. Pristat' by mne k rodnomu beregu... Igor'-Severjanin i ego okruzenie v Jestonii. Sojuz slavjanskih prosvetitel'nyh i blagotvoritel'nyh obshhestv v Jestonii = If I could reach my native land... Igor Severjanin and his surrounding in Estonia. The union of Slavic educational and charity societies in Estonia. Tallin, 1992.
15. Jetkind E. Tam, vnutri. O russkoj poezii XX veka = There, inside. About Russian poetry of the XX century. Sankt-Peterburg, 1995.
16. Marjorie Perloff The Futurist Moment: Avant-garde, Avant Guerre, and the Language of Rupture. The University of Chicago Press. 2003.
17. Markov V. F. Russian Futurism: A History (Russian History and Culture) Paperback. March 1. 2006.
18. Readings in Russian modernism. Kul'tura russkogo modernizma. Stat'i, jesse i publikacii. Moskva : Nauka, 1993.